

УДК 811.511.131'34

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-3-417-425

**Диалектные особенности местоимений
в удмуртских письменных памятниках второй половины XIX – начала XX в.**

М. П. Безенова

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск,
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН,
г. Москва, Российская Федерация,
mary_kaj@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена описанию диалектных особенностей местоимений в пяти дореволюционных удмуртских книгах второй половины XIX – начала XX в. Анализ проводится методом сопоставления языкового материала памятников с данными удмуртского литературного языка и его диалектов.

Цель: выявить особенности функционирования местоимений в удмуртских письменных источниках в сопоставлении с современными литературными нормами.

Материалы исследования: онлайн-корпуса и конкордансы к пяти удмуртским книгам на различных диалектах удмуртского языка, размещённые на лингвистической платформе ЛингвоДок.

Результаты и научная новизна. В работе впервые представлено подробное описание диалектных явлений, связанных с функционированием местоимений в пяти удмуртских книгах второй половины XIX – начала XX в. В результате анализа в памятниках был выявлен целый ряд специфических черт, связанных с функционированием собственно-личных, усилительно-личных и отрицательных местоимений, посредством которых письменные источники отличаются от норм современного литературного языка. В ходе работы были рассмотрены вопросы происхождения этих диалектных особенностей, в результате чего установлено, что в памятниках представлены как архаичные, так и инновационные явления.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалекты удмуртского языка, памятники письменности, местоимения, инновации, архаизмы

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

Для цитирования: Безенова М. П. Диалектные особенности местоимений в удмуртских письменных памятниках второй половины XIX – начала XX в. // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 3 (58). С. 417–425.

**Dialect features of pronouns in Udmurt written monuments
of the second half of the XIX – early XX centuries**

M. P. Bezenova

*Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk,
Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
mary_kaj@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the description of dialect features of pronouns in five pre-revolutionary Udmurt books of the second half of the XIX – early XX centuries. The analysis is carried out by comparing the linguistic material of the written monuments with the data of the Udmurt literary language and its dialects.

Objective: to identify the features of the functioning of pronouns in Udmurt written monuments in comparison with modern literary norms.

Research materials: online corpora and concordances to five Udmurt books in various dialects of the Udmurt language, placed on the linguistic platform LingvoDoc.

Results and novelty of the research: for the first time the research presents a detailed description of dialect phenomena associated with the functioning of pronouns in five Udmurt books of the second half of the XIX – early XX centuries. As a result of the analysis, a number of specific features are identified in the written monuments related to the functioning of proper-personal, emphatic-personal and negative pronouns, through which the written sources differ from the norms of modern literary language. In the course of the work, the issues of the origin of these dialect features are considered, as a result of which it is established that both archaic and innovative phenomena are represented in the written monuments.

Key words: Udmurt language, dialects of the Udmurt language, written monuments, pronouns, innovations, archaisms

Acknowledgments: the work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 20-18-00403 “Digital description of the dialects of the Uralic languages based on the analysis of big data”.

For citation: Bezenova M. P. Dialect features of pronouns in Udmurt written monuments of the second half of the XIX – early XX centuries // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (3/58): 417–425.

Введение

Описание письменных источников имеет важное значение для развития лингвистики как в диахронии, так и синхронии, представляя ценный материал для изучения диалектологии, истории языка, этнической истории носителей конкретного языка. Памятники удмуртской письменности представляют собой богатый лексический материал, без анализа которого невозможно корректное описание, представление развития удмуртского языка в целом и его отдельных диалектов. Согласно «Каталогу дореволюционных книг и рукописей» Б. И. Каракулова [10], на сегодняшний день насчитывается более 400 наименований удмуртских письменных источников, однако описана лишь незначительная часть этих памятников.

Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования местоимений в пяти удмуртских письменных источниках второй половины XIX – начала XX в.: «Ўгет. Святой Тихон дышетем жеҫ кылйос. Наставление христианское св. Тихона» (Казань, 1878; далее – «Ўгет»), «Букварь для вотяцких дѣтей Сарапульскаго уѣзда» (Казань, 1882; далее – «Букварь»), «Жеч кылйос. Святой Тихонлэн жечлы дышетэм кылйосыз. Наставление христианское сватителя Тихона на вотскомъ языкѣ» (Казань, 1891; далее – «Жеч кыльёс»), «Законъ Божій. Книжка съ картинками для маленькихъ дѣтей. На Вотскомъ языкѣ Глазовскаго нарѣчія» (Казань, 1912; далее – «Закон Божий») и «Святой Θεодорлэн улэмез. Житіе Св. Θεодора. На вотскомъ языкѣ Елабужскаго нарѣчія» (Казань, 1913; далее – «Житие»). Ранее графико-орфографические, фонетические и морфологические особенности этих книг были рассмотрены в ряде работ [2; 3; 4], на основе чего было установлено, что указанные памятники подготовлены на различных диалектах удмуртского языка, продолжением которых является современный шошминский («Жеч кыльёс») и кукморский («Ўгет») говоры периферийно-южного диалекта, глазовский говор среднечепецкого

диалекта северного наречия («Закон Божий»), можгинский говор центрально-южного диалекта («Житие») и говор северной части Малопургинского района Удмуртской Республики, переходный между срединными и центрально-южными говорами («Букварь») [3, 351]. Стоит отметить, что на уровне морфологии диалектные особенности, касающиеся местоимений, в приведённых выше публикациях не рассматривались. В большинстве трудов, в том числе монографических [7; 8; 18; 22], посвящённых дореволюционным памятникам удмуртского языка, местоимениям внимание также не уделялось. Лишь в некоторых работах В. К. Кельмакова отмечаются отдельные особенности функционирования местоимений в удмуртских письменных источниках [13, 22, 23; 15, 57, 59].

Результаты данного исследования, на наш взгляд, в дальнейшем позволят описать историю формирования системы местоимений в удмуртском языке, а также в целом будут полезны при изучении вопросов пермской и финно-угорской морфологии.

Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили онлайн-корпуса и конкордансы к пяти удмуртским памятникам на различных диалектах удмуртского языка: «Жеч кыльёс», «Ўгет», «Закон Божий», «Житие», «Букварь», размещённые на лингвистической платформе ЛингвоДок¹ (<https://lingvodoc.ispras.ru/>).

Основным методом исследования стал описательный. Анализ особенностей местоимений в письменных источниках проведён методом сопоставления языкового материала памятников с данными удмуртского литературного языка и его диалектов. На начальном этапе подготовки материалов был применён метод составления глоссированных корпусов и конкордансов на лингвистической платформе ЛингвоДок, который предполагал перевод оцифрованных копий письменных памятников

¹ О лингвистической платформе ЛингвоДок и её возможностях см. статью [29].

в текстовый формат, их ручную глоссировку и разметку в программе ELAN, последующую загрузку на сайт <https://lingvodoc.ispras.ru/> и конвертацию в конкорданс.

Результаты

В современном удмуртском языке, согласно последним исследованиям, выделяют 12 разрядов местоимений: собственно-личные, усилительно-личные, взаимно-личные, счётно-личные, обобщённо-личные, послеложно-личные¹, притяжательные, указательные, вопросительно-относительные, отрицательные, неопределённые и определительные [24, 109]. В большинстве случаев местоимения в памятниках соответствуют современным литературным нормам, однако в ходе исследования нам всё же удалось выявить ряд особенностей, связанных с функционированием собственно-личных, усилительно-личных и отрицательных местоимений в рассмотренных источниках.

1. Употребление усилительно-личных местоимений единственного числа с *ы*-овой огласовкой:

«Зеч кыльёс»: *ачым* ‘я сам’ – лит. *ачим*, *ачыд* ‘ты сам’ – лит. *ачид*, *ачыз* ‘он сам’ – лит. *ачиз*;

«Ўгет»: *ачым* ‘я сам’ – лит. *ачим*, *ачыд* ~ *ачыт* ‘ты сам’ – лит. *ачид*, *ачыз* ‘он сам’ – лит. *ачиз*;

«Букварь»: *ацыд* ~ *ацыт* ‘ты сам’ – лит. *ачид*.

Данная особенность характерна лишь для текстов трёх памятников. В «Закон Божий» и в «Житие» функционируют *и*-овые варианты, соответствующие литературным, ср.:

«Закон Божий»: *ачид* ‘ты сам’ – лит. *ачид*, *ачиз* ‘он сам’ – лит. *ачиз*;

«Житие»: *ачиз* ‘он сам’ – лит. *ачиз*.

Подобные *ы*-овые формы встречаются в современном бесермянском наречии [17, 109; 23, 183], нижнечепецком диалекте северного наречия [11, 251], кукморском [12, 342] и шошминском² говорах периферийно-южного диалекта. Функционируют они и во многих коми диалектах [20, 165]. По мнению исследователей, усилительно-личные местоимения с *ы*-овой огласовкой восходят к прапермскому периоду,

т. е. по своему происхождению являются более архаичными по сравнению с *и*-овыми [21, 201; 27, 236].

2. Функционирование усилительно-личных местоимений множественного числа с основой *ач*-³:

«Зеч кыльёс»: *ачымес* ‘мы; мы сами’ – лит. *асьмеос*, *ачымелы* ‘нам самим’ – лит. *асьмелы*, *ачымесын* ‘с нами самими’ – лит. *асьмемын* (исключения: *ақтэсыз* ‘вас самих’ – лит. *асьтэдыз* / *асьтэды*, *ақтэлэс* ‘от вас самих’ – лит. *асьтэлэсь*; *ақсэс* ‘они сами’ – лит. *асьсэос*, *ақсэсыз* ‘их самих’ – лит. *асьсэзыз* / *асьсэзы*, *ақсэлэн* ‘у них самих’ – лит. *асьсэлэн*; *ақсэлы* ‘им самим’ – лит. *асьсэлы*);

«Ўгет»: *ачмес* ‘мы сами’ – лит. *асьмеос* (исключения: *ақмелен* ‘у нас самих’ – лит. *асьмелэн*, *ақмелис* ‘от нас самих’ – лит. *асьмелэсь*; *ақсез* ‘их самих’ – лит. *асьсэзыз* / *асьсэзы*, *ақселен* ‘у них самих’ – лит. *асьсэлэн*);

«Закон Божий»: *ачимэс* ‘мы’ – лит. *асьмеос*, *ачиместы* ‘нас’ – лит. *асьмеды* / *асьмемыз*, *ачимелэн* ‘у нас’ – лит. *асьмелэн*, *ачимелэсь* ‘от нас’ – лит. *асьмелэсь*, *ачимелы* ‘нам’ – лит. *асьмелы*;

«Житие»: *ачимес* ‘мы’ – лит. *асьмеос*.

Аналогичные формы с корневой *ч* представлены и в современных удмуртских говорах. Они характерны для среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов северного наречия, спорадически встречаются в отдельных говорах верхнечепецкого диалекта [11, 251–252]; параллельно с вариантами с корневой *с* функционируют в бесермянском наречии [17, 109; 23, 187] и в кукморском периферийно-южном говоре [12, 342–343]. Фактически же в удмуртских диалектах наблюдается чередование трёх вариантов основ усилительно-личных местоимений множественного числа: *ач*- ~ *ас*’- ~ *ас*- (см. подробнее [11, 251–253; 14, 136–137]), при этом единого мнения относительно происхождения этих форм на данный момент не существует. С точки зрения Б. А. Серебренникова, первичным является вариант *ас*- [21, 201]. По мнению Ш. Чуча, более архаичными являются основы *ач*- ~ *ас*’- [27, 236]. Мы в свою очередь придерживаемся позиции венгерского учёного,

¹ Группу слов, включённых в разряд послеложно-личных местоимений, по мнению некоторых лингвистов, стоит отнести к наречиям [9, 76–77; 11, 240].

² Информация приводится по данным опроса молодой девушки (18 лет), которая родом из д. Средний Кушкет Балтасинского района Республики Татарстан.

³ В памятниках на периферийно-южных говорах «Зеч кыльёс» и «Ўгет» наблюдается чередование корневых морфем *ач*- ~ *ас*’- ~ *ас*- (см. примеры).

при этом, если учесть данные современных диалектологов, которые отмечают, что усиленно-личные местоимения множественного числа с корневой *ч* чаще встречаются в речи представителей старшего поколения [11, 252–253; 14, 137], а также тот факт, что вариант с *ч* представлен в памятниках как на северных, так и южных диалектах, можно предположить, что именно этот вариант послужил основой для развития остальных форм.

3. Употребление усиленно-личных местоимений множественного числа в стяжённой форме, образованной в результате выпадения гласной *о* маркера множественного числа (*-ос*):

«Зеч кыльёс»: *ачымес* ‘мы; мы сами’ – лит. *асьмеос*, *аҫсэс* ‘они сами’ – лит. *асьсэос*;

«Ўгет»: *ачмес* ‘мы сами’ – лит. *асьмеос*;

«Закон Божий»: *ачимёс* ‘мы’ – лит. *асьмеос*;

«Житие»: *ачимес* ‘мы’ – лит. *асьмеос*;

«Букварь»: *аҫмес* ‘мы’ – лит. *асьмеос*, *аҫтес* ‘вы сами’ – лит. *асьтэос*, *аҫсес* ‘они сами’ – лит. *асьсэос*.

Данное инновационное явление широко распространено в современных северноудмуртских говорах [11, 251–253], однако встречается и в отдельных говорах южной диалектной зоны [14, 136–137], а также в бесермянском наречии [17, 109; 23, 187].

4. Функционирование в косвенных падежах усиленно-личных местоимений множественного числа типа *аслэмды*, *аслам*, *аслэм* и т. д.:

«Закон Божий»: *аслэмды* ‘нас’ – лит. *асьмеды* / *асьмемыз*, *аслам* ‘у нас’ – лит. *асьмелэн*, *аслэм* ‘нам’ – лит. *асьмелы*, *аслэз* ‘им’ – лит. *асьсэлы*.

Данное явление представлено лишь в памятнике на северном наречии. При этом, согласно данным Л. Л. Карповой, такие формы характерны для современного глазовского говора среднечепецкого диалекта северного наречия удмуртского языка [11, 522–527], и, по всей вероятности, имеют относительно позднее происхождение.

5. Маркировка аблативных форм собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа и усиленно-личных местоимений всех трёх лиц единственного числа суффиксами с инлаутным *к*:

«Зеч кыльёс»: *мыныҫкым* ~ *мынэҫкым* ‘от меня’ – лит. *мынэсьтым*; *аслыҫкыд* ‘от тебя самого’ – лит. *аслэсьтыд*, *аслыҫкыз* ‘от него самого’ – лит. *аслэсьтыз*;

«Ўгет»: *мыниҫкым* ~ *мыныҫкым* ‘от меня’ – лит. *мынэсьтым*, *тыниҫкыд* ~ *тыныҫкыд* ~ *тыныҫкыт* ‘от тебя’ – лит. *тынэсьтыд*, *милеҫкым* ~ *милеҫкым* ‘от нас’ – лит. *милеесьтым*; *аслиҫкыд* ‘от тебя самого’ – лит. *аслэсьтыд*;

«Букварь»: *тыниҫкыд* ‘от тебя’ – лит. *тынэсьтыд*, *ти* >> *Рлэҫкыд* ‘от вас’ – лит. *тйлэсьтыд*; *аслэҫкыд* ‘от тебя самого’ – лит. *аслэсьтыд*, *аслэҫкыз* ‘от него самого’ – лит. *аслэсьтыз*.

Как отмечает Г. В. Федюнева, аблатив личных местоимений в пермских языках сформировался от элативных форм притяжательного склонения имён существительных [25, 43], которые, в частности, в современном удмуртском языке маркируются соответствующим показателем *-ištj-* [30, 26]. Показатель элатива в свою очередь возводят к древнему аблативному суффиксу **-ta/*-tä* [26, 85; 28, 282–283]. Исходя из этого, можно предположить, что аблативные формы собственно-личных и усиленно-личных местоимений с инлаутным *к* в памятниках имеют позднее происхождение. Также отметим, что аналогичные формы встречаются и в некоторых современных говорах удмуртского языка: в бесермянском наречии (спорадически), в отдельных центрально-южных и периферийно-южных говорах (граховском, кукморском, шошминском, бавлинском и др.) [14, 122].

6. Образование аблативных форм собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа и усиленно-личных местоимений всех трёх лиц единственного числа с суффиксами с *ы(и)*-овой¹ огласовкой:

«Зеч кыльёс»: *мыныҫкым* ~ *мынэҫкым* ‘от меня’ – лит. *мынэсьтым*; *аслыҫкыд* ‘от тебя самого’ – лит. *аслэсьтыд*, *аслыҫкыз* ‘от него самого’ – лит. *аслэсьтыз*;

«Ўгет»: *мыниҫкым* ~ *мыныҫкым* ‘от меня’ – лит. *мынэсьтым*, *тыниҫкыд* ~ *тыныҫкыд* ~ *тыныҫкыт* ‘от тебя’ – лит. *тынэсьтыд*; *аслиҫкыд* ‘от тебя самого’ – лит. *аслэсьтыд*;

«Закон Божий»: *тынысьтыд* ‘от тебя’ – лит. *тынэсьтыд* (исключения: *мынэсьтым* ‘от

¹ Вариант с *и*-овой огласовкой, по всей вероятности, возник в результате перехода первоначальной *ы* в *и* под влиянием последующей палатальной согласной. Это явление в целом характерно для говоров южной диалектной зоны удмуртского языка и охватывает как корневые, так и суффиксальные морфемы (см. подробнее [14, 65–67]).

меня' – лит. *мынэсьтым*; *аслэсьтыз* 'от него самого' – лит. *аслэсьтыз*);

«Житие»: *тынысьтыд* ~ *тынэсьтыд* 'от тебя' – лит. *тынэсьтыд*; *аслысьтыз* ~ *аслэсьтыз* 'от него самого' – лит. *аслэсьтыз*;

«Букварь»: *тыниҫкыд* 'от тебя' – лит. *тынэсьтыд* (исключения: *аслеҫкыд* 'от тебя самого' – лит. *аслэсьтыд*, *аслеҫкыз* 'от него самого' – лит. *аслэсьтыз*).

Как видим, *ы(и)-*овый алломорф встречается во всех рассмотренных в рамках нашего исследования памятниках, при этом более последовательно он представлен в «Ўгет», в основе которого, как было выявлено в работе [3, 350], лежит кукморский периферийно-южный говор. При этом, учитывая происхождение указанного показателя (ср. коми **тен-(i)s'-iṃ*, удм. **tiṃ-(i)s'-iṃ* [25, 43], прапермский элативный маркер **-iś-* ~ **-išt-* [16, 90]), мы предполагаем, что *ы-*овый вариант данного суффикса более архаичен по сравнению с *э-*овым. В удмуртском литературном языке и в большинстве современных диалектов аблатив собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа, а также усилительно-личных местоимений всех трёх лиц единственного числа маркируется показателем с начальной переднерядной гласной э. Однако в ряде удмуртских диалектов указанный формант выступает с *ы-*овой или *и-*овой огласовкой. В частности, подобные формы зафиксированы в красноуфимском и кукморском периферийно-южных говорах, а также в бесермянском наречии удмуртского языка, ср. круф. *тънис"тум*, *аулъс"тум*, *аулъс"тум*, *аулъчтуж* [19, 98, 99], кукм. *тəškəm* (~ *təniškəm*), *təškət* (~ *təniškət*), *askəm* (~ *asliškəm*), *askət* (~ *asliškət*), *askəz* (~ *asličkəz*) [12, 340, 341, 343], бес. *məs'təm* ~ *menəs'təm* 'от меня', *aslis'təm* ~ *asləs'təm* 'у меня самого (взять)', *aslis'təd* ~ *asləs'təd* 'у тебя самого (взять)', *aslis'təz* ~ *asləs'təz* 'у него самого, у неё самой (взять)' [23, 184, 188]. При этом, согласно более современным данным Н. М. Люкиной, в бесермянских говорах на сегодняшний день функционирует уже лишь одна аблативная форма личного местоимения, маркированная суффиксом с инициальной заднерядной гласной (*təṃəṣ'təm* ~ *təṣ'təm*), в усилительно-личных местоимениях употребляется уже

*э-*овый вариант, идентичный литературному [17, 107–111].

7. Функционирование собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа в дативе в расширенной форме, маркированной суффиксом *-лы*:

«Зеч кыльёс»: *милемлы* 'нам' – лит. *милем(лы)*;

«Ўгет»: *милемлы* 'нам' – лит. *милем(лы)*, *тиледлы* 'вам' – лит. *тилед(лы)*;

«Закон Божий»: *милемлы* 'нам' – лит. *милем(лы)* (исключение: *тилед* ~ *тилед* ~ *тилед* 'вам' – лит. *тилед(лы)*);

«Житие»: *милемлы* 'нам' – лит. *милем(лы)*;

«Букварь»: *тилъедлы* 'вам' – лит. *тилед(лы)*.

Как видим, в литературном языке допустимы и расширенные, и краткие формы датива личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа. На уровне диалектов же, отмечается, что варианты, образованные с помощью суффикса *-лы*, являются характерной чертой говоров южной диалектной зоны [14, 135], а в северноудмуртских говорах, напротив, функционируют краткие формы *мил'эм*, *тил'эд* [11, 246; 14, 135]. В нашем случае, из приведённых выше примеров, за исключением формы *тил'эд* в книге на северном наречии «Закон Божий», в памятниках функционируют маркированные варианты. Стоит отметить, что в коми диалектах также представлены как расширенные, так и краткие варианты указанных форм [25, 62]. По мнению Д. В. Бубриха, появление последних объясняется влиянием датива личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа, которые образованы без суффикса *-лы* [5, 104].

8. Употребление собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в инструментале в расширенной форме, дополнительно осложнённой притяжательным суффиксом¹:

«Зеч кыльёс»: *монэным* 'со мной' – лит. *монэн(ым)*, *тонэныд* 'с тобой' – лит. *тонэн(ыд)*;

«Ўгет»: *моненым* 'со мной' – лит. *монэн(ым)*, *тонэн* ~ *тоненыд* 'с тобой' – лит. *тонэн(ыд)*;

«Закон Божий»: *монэным* 'со мной' – лит. *монэн(ым)*, *тонэныд* 'с тобой' – лит. *тонэн(ыд)*.

Как и в предыдущем случае, видим, что в литературном языке допустимы два варианта

¹ В «Житие» и «Букварь» инструментальные формы собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа не представлены.

инструментальных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа. Что касается удмуртских диалектов, учёные отмечают, что краткие формы *монэн*, *тонэн* характерны для современных южных и отдельных срединных говоров [14, 135], а расширенные *монэным*, *тонэныд* функционируют в северном [11, 247] и бесермянском [23, 183] наречиях, а также в отдельных средневосточных говорах [6, 269]. Однако в памятниках, несмотря на их диалектную принадлежность, инструментальные формы употребляются в расширенном варианте (исключение составляет лишь одна форма *тонэн*, которая функционирует в «Ўгет» параллельно с *тоненыд*). Аналогичные формы, осложнённые притяжательными аффиксами, также зафиксированы в ижемском и удорском коми-зырянских диалектах, при этом, по мнению Г. В. Федюновой, они «появились позже, когда уже сформировалось субстантивное лично-притяжательное склонение» [25, 45]. Венгерский учёный Ш. Чуч придерживается иного мнения и считает, что расширенные формы могли функционировать ещё в прапермском языке, поскольку сегодня представлены как в удмуртских, так и в коми диалектах [27, 231]. Как видим, вопрос происхождения указанных форм весьма спорный и явно требует дальнейшего более тщательного изучения, хотя наличие расширенных форм как в памятниках на южных, так и северных говорах, вероятно, в определённой степени свидетельствует о первичности этих вариантов в удмуртском языке.

9. Образование отрицательных местоимений с помощью приставки *нино*¹:

«Зеч кыльёс»: *нинокинь* ‘никто’ – лит. *нокин*, *нинокёще* ‘никакой’ – лит. *нокыче*, *ниномре* ‘ничего’ – лит. *номыре*;

«Ўгет»: *ни но киње* ‘никого’ – лит. *нокинэ*, *ни номарлы* ‘ничему’ – лит. *номырлы*.

Соответствующие формы были зафиксированы В. К. Кельмаковым в кукморском говоре периферийно-южного диалекта [12, 358], кроме того, встречаются в шошминском говоре в речи представителей старшего поколения². Аффикс, выявленный в указанных памятниках, вероятно, имеет инновационное происхождение

и связан с препозитивными элементами *н’э*- и *н’эно*-, которые встречаются в бесермянских [23, 205], некоторых северных [11, 284] и кыркмасских [14, 139] говорах удмуртского языка. Последний, по всей вероятности, представляет собой контаминированное сочетание приставки *но*-, характерной для большинства современных удмуртских диалектов и литературного языка, и заимствованного из русского языка префикса *н’э*- [11, 284; 14, 139; 27, 243].

10. Фиксация ударения в отрицательных местоимениях преимущественно на первом слоге слова:

«Закон Божий»: *но́кин-но* ~ *но́кинь-но* ~ *нокíи-но* ‘никто’, *но́кудыз-но* ‘никто из них’, *но́мрэ но* ~ *но́мре-но* ~ *номрэ́-но* ‘ничего’.

Формы отрицательных местоимений с ударением на первом слоге зафиксированы в современном бесермянском наречии [17, 47–48], граховских говорах центрально-южного диалекта [1, 169], а также в диалектах северного наречия. Причём для говоров среднечепецкого диалекта характерно дублетное использование данных лексем с ударением как на первом слоге слова, так и на последнем, хотя «более активно бытуют формы с фиксацией ударения на первом слоге приставки» [11, 126]. Выявленные в памятнике примеры, возможно, отражают процесс морфологизации ударения в удмуртском языке [11, 129].

Обсуждение и заключение

Итак, при сопоставлении языкового материала пяти памятников удмуртской письменности второй половины XIX – начала XX в. («Зеч кыльёс», «Ўгет», «Закон Божий», «Житие», «Букварь») с современным литературным языком, мы выявили ряд особенностей, связанных с функционированием собственно-личных, усилительно-личных и отрицательных местоимений в этих источниках, которые характерны и для современных говоров удмуртского языка. Среди них представлены явления как инновационного (употребление усилительно-личных местоимений множественного числа в стяжённой форме; функционирование в косвенных падежах усилительно-личных

¹ Орфографически, как видно из примеров, данный префикс в памятниках выражен по-разному.

² Информация приводится по данным опроса молодой девушки (18 лет), которая родом из д. Средний Кушкет Балтасинского района Республики Татарстан.

местоимений множественного числа типа *аслэмды, аслам, аслэм*; маркировка аблативных форм собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа и усилительно-личных местоимений всех трех лиц единственного числа суффиксами с инлаутным *к*; образование отрицательных местоимений с помощью приставки *нино-*), так и архаичного (употребление усилительно-личных местоимений единственного числа с *ы*-овой огласовкой) происхождения. При этом широкое функционирование некоторых особенностей в памятниках как на северных, так и южных диалектах (употребление усилительно-личных местоимений множественного числа с основой *ач*-; образование аблативных форм собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного

числа и усилительно-личных местоимений всех трёх лиц единственного числа с суффиксами с *ы(и)*-овой огласовкой; функционирование собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа в дативе в расширенной форме, маркированной суффиксом *-лы*; употребление собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в инструментале в расширенной форме), несмотря на их представленность лишь в отдельных группах современных говоров удмуртского языка, вероятно, также свидетельствует об архаичном характере этих явлений. Стоит также отметить, что полученные в ходе данного исследования результаты не противоречат выводам относительно диалектной принадлежности рассмотренных источников, представленных в работе [3], а, напротив, подтверждают их.

Сокращения

бес. – бесермянское наречие; круф. – красноуфимский периферийно-южный говор; кукм. – куморский периферийно-южный говор; лит. – литературная форма

Список источников и литературы

1. Атаманов М. Г. Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырза, Эгра вера. Ижевск: Удмуртия, 2005. 245 с.
2. Безенова М. П. Морфологические особенности «Жития Св. Феодора» (1913) на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2021. № 3 (42). С. 19–32.
3. Безенова М. П. Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. М.: Альма Матер, 2022. Т. III: Памятники письменности на пяти диалектах удмуртского языка конца XIX – начала XX в. 364 с.
4. Безенова М. П. «Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда»: морфологические особенности // Урало-алтайские исследования. 2023. № 1 (48). С. 7–21.
5. Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. 201 с.
6. Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 397 с.
7. Ившин Л. М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. Екатеринбург; Ижевск: УрО РАН, 2010. 234 с.
8. Ившин Л. М. Лексика памятников удмуртской письменности XVIII века. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2023. 216 с.
9. Каракулов Б. И. Изучение послелогов в школьной и вузовской практике // Проблемы школьного и дошкольного образования: Тезисы VI регион. науч.-практ. конф. Глазов: [б. и.], 2004. С. 76–77.
10. Каракулов Б. И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс (История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века). Ижевск: Удмуртия, 2006. 206 с.
11. Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.
12. Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. XXX + 475 + [Приложение] 175 с.
13. Кельмаков В. К. Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 140 с.
14. Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Удмуртский университет, 2006. 386 с.
15. Кельмаков В. К. «Песни и сказы твои останутся...» I: Удмуртские фольклорные тексты, изданные Б. Гавриловым. Ижевск: Удмуртский университет, 2020. 572 с.
16. Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 154 с.
17. Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.

18. Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726 г. Ижевск: Удмуртия, 2001. 220 с.
19. Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. статей и материалов. Ижевск: НИИ при совете Министров УАССР, 1978. С. 86–151.
20. Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.
21. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.
22. Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII в. М.: [б. и.], 1965. 324 с.
23. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 286 с.
24. Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко-дышетскон издание / Кылкутись ред. Н. Н. Тимерханова. Ижевск: Удмурт университет, 2011. 408 с.
25. Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: [б. и.], 2008. 427 с.
26. Bartens R. Permiläisten kielen rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 376 p.
27. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 409 p.
28. Rédei K. Über die Herkunft des permischen Elativsuffixes // СФУ. 1981. № 4 (XVII). Pp. 279–284.
29. The software system Lingvodoc and the possibilities it offers for documentation and analysis of Ob-Ugric languages / Yu. V. Normanskaja, O. D. Borisenko, I. B. Beloborodov, A. I. Avetisyan // Doklady Mathematics. 2022. Vol. 105, no. 3. Pp. 187–206.
30. Winkler E. Udmurt. München: Lincom, 2001. 85 p.

References

1. Atamanov M. G. *Pesni i skazy ushedshikh epokh* [Songs and tales of bygone eras]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005. 245 p. (In Russian, Udmurt)
2. Bezenova M. P. *Morfologicheskie osobennosti "Zhitiya Sv. Feodora" (1913) na udmurtskom yazyke* [Morphological features of "The Life of St. Theodore" (1913) in the Udmurt language]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies], 2021, no. 3 (42), pp. 19–32. (In Russian)
3. Bezenova M. P. *Kirillicheskie pamyatniki na ural'skikh i altayskikh yazykakh* [Cyrillic monuments in the Uralic and Altaic languages]. Moscow: Alma Mater Publ., 2022. T. III: *Pamyatniki pis'mennosti na pyati dialektakh udmurtskogo yazyka kontsa XIX – nachala XX v.* [Vol. III. Monuments of writing in five dialects of the Udmurt language of the late XIX – early XX centuries]. 364 p. (In Russian)
4. Bezenova M. P. *"Bukvar' dlya votyatskikh detey Sarapul'skogo uezda": morfologicheskie osobennosti* ["Alphabet book for Votyak children of the Sarapul District": morphological features]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies], 2023, no. 1 (48), pp. 7–21. (In Russian)
5. Bubrikh D. V. *Grammatika literaturnogo komi yazyka* [Grammar of the literary Komi language]. Leningrad: LGU Publ., 1949. 201 p. (In Russian)
6. Bushmakina S. K. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka* [Phonetic and morphological features of the Middle Eastern dialects of the Udmurt language]. Tartu, 1971. 397 + 350 p. (In Russian)
7. Ivshin L. M. *Stanovlenie i razvitie udmurtskoj grafiki i orfografii v XVIII – pervoj polovine XIX veka* [Formation and development of Udmurt graphics and orthography in the XVIII – first half of the XIX centuries]. Yekaterinburg; Izhevsk: UrO RAN Publ., 2010. 234 p. (In Russian)
8. Ivshin L. M. *Leksika pamyatnikov udmurtskoy pis'mennosti XVIII veka* [Vocabulary of monuments of the Udmurt writing of the XVIII century]. Izhevsk: UdmFICT UrO RAN Publ., 2023. 216 p. (In Russian)
9. Karakulov B. I. *Izuchenie poslelogov v shkol'noy i vuzovskoy praktike* [The study of postpositions in school and university practice]. *Problemy shkol'nogo i doshkol'nogo obrazovaniya: Tezisy VI region. nauch.-prakt. konf.* [Problems of school and preschool education: Theses of the VI regional scientific and practical conference]. Glazov: [w/p], 2004. Pp. 76–77. (In Russian)
10. Karakulov B. I. *Istoriya udmurtskogo literaturnogo yazyka: XVIII–XXI veka* [History of the Udmurt literary language: XVIII–XXI centuries]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2006. 206 p. (In Russian, Udmurt)
11. Karpova L. L. *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current state]. Izhevsk: MarShak Publ., 2020. 563 p. (In Russian)
12. Kelmakov V. K. *Kukmorskiy dialekt udmurtskogo yazyka* [Kukmor dialect of the Udmurt language]. Moscow, 1969. XXX + 475 + 175 p. (In Russian)
13. Kelmakov V. K. *G. E. Vereshchagin i nekotorye problemy udmurtskogo yazykoznanija* [G. E. Vereshchagin and some problems of Udmurt linguistics]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 2004. 140 p. (In Russian)
14. Kelmakov V. K. *Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii* [Short course of Udmurt dialectology]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet Publ., 2006. 386 p. (In Russian)
15. Kelmakov V. K. *"Pesni i skazy tvoji ostanutsya..." I: Udmurtskie fol'klornye teksty, izdannye B. Gavrilovym* ["Your songs and tales will remain..." I: Udmurt folklore texts published by B. Gavrilov]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet Publ., 2020. 572 p. (In Russian)

16. Kondratyeva N. V. *Formirovanie padezhnoy sistemy v udmurtskom yazyke* [Formation of the case system in the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet Publ., 2011. 154 p. (In Russian)
17. Lyukina N. M. *Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan* [Phonetic and morphological features of the language of the Lekma and Yunda Besermyans]. Izhevsk: Institut kompyuternykh issledovaniy Publ., 2016. 200 p. (In Russian)
18. Napolskikh V. V. *Udmurtskie materialy D. G. Messerschmidta. Dnevnikovye zapisi, dekabr' 1726 g.* [Udmurt materials by D. G. Messerschmidt. Diary entries, December 1726]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2001. 220 p. (In Russian)
19. Nasibullin R. Sh. *Nablyudeniya nad yazykom krasnoufimskikh udmurtov* [Observations on the language of the Krasnoufimsk Udmurts]. *O dialektakh i govorakh yuzhnoudmurtского narechiya: Sb. statey i materialov* [About dialects and subdialects of the South Udmurt dialect: Collection of articles and materials]. Izhevsk: NII pri sovete Ministrov UASSR Publ., 1978. Pp. 86–151. (In Russian)
20. Popova R. P., Sazhina S. A. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyy aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of Komi dialects (comparative aspect of the study)]. Syktyvkar: SyktGU Publ., 2014. 272 p. (In Russian)
21. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov* [Historical morphology of the Permian languages]. Moscow: AN SSSR Publ., 1963. 392 p. (In Russian)
22. Teplyashina T. I. *Pamyatniki udmurtskoy pis'mennosti XVIII v.* [Monuments of the Udmurt writing of the XVIII century]. Moscow: [w/p], 1965. 324 p. (In Russian)
23. Teplyashina T. I. *Yazyk besermyan* [Besermyan language]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 286 p. (In Russian)
24. *Udmurt kyllen kylkabdosez (morfologiez): Todoslyko-dyshetskon izdanie* [Morphology of the Udmurt language: educational and scientific publication]. Izhevsk: Udmurt universitet Publ., 2011. 408 p. (In Udmurt)
25. Fedyuneva G. V. *Pervichnye mestoimeniya v permskikh yazykakh* [Primary pronouns in the Permian languages]. Yekaterinburg: [w/p], 2008. 427 p. (In Russian)
26. Bartens R. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 376 p. (In Finnish)
27. Csúcs S. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 409 p. (In German)
28. Rédei K. Über die Herkunft des permischen Elativsuffixes. *Soviet Finno-Ugric Studies*, 1981, no. 4 (XVII), pp. 279–284. (In German)
29. Normanskaja Yu. V., Borisenko O. D., Beloborodov I. B., Avetisyan A. I. The software system Lingvodoc and the possibilities it offers for documentation and analysis of Ob-Ugric languages. *Doklady Mathematics*, 2022, no. 105 (3), pp. 187–206. (In English)
30. Winkler E. *Udmurt*. München: Lincom, 2001. 85 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Безенова Мария Петровна, старший научный сотрудник отдела филологических исследований, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (426004, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4); старший научный сотрудник лаборатории Лингвистических платформ, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН; кандидат филологических наук.

mary_kaj@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0493-2193

ABOUT THE AUTHOR

Bezenova Maria Petrovna, Senior Researcher of the Department of Philological Researches, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (426004, Russian Federation, Republic of Udmurtia, Izhevsk, Lomonosova Str., 4); Senior Researcher of the Laboratory of Linguistic Platforms, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences (109004, Russian Federation, Moscow, Alexander Solzhenitsyn Str., 25), Candidate of Philological Sciences.

mary_kaj@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0493-2193